

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации
Ракитовой Лилии Александровны «Писательская публицистика
1917 – 1921 гг.: жанровое и проблемно-тематическое своеобразие»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальностям 10. 01. 01 – русская
литература, 10.01.08 – теория литературы, текстология**

На протяжении своей многовековой истории Россия неоднократно оказывалась охваченной драматическими событиями «смутных» времен. 1917 – 1921 годы стали для нее периодом тяжелейших социальных потрясений и политических катаклизмов. Истинный драматизм наиболее острых периодов в истории любой нации – неизменно ценнейший материал для литературно-художественных интерпретаций, неизбежно вызывающий интерес современников и потомков. Именно к таким социально-культурным явлениям обращается в своей работе Л. А. Ракитова.

Новизна и актуальность предпринятого Л. А. Ракитовой исследования не вызывают сомнения. Несмотря на существование литературоведческих трудов о специфике художественно-публицистических текстов, методология анализа произведений писательской публицистики еще не может считаться разработанной в полной мере, поэтому данное диссертационное исследование воспринимается как значительный вклад в изучение не только творчества А. И. Куприна, М. А. Волошина, А. Т. Аверченко и Л. Н. Андреева, но и теоретических аспектов поэтики публицистических жанров. Кроме того, попытка рассмотрения публицистического наследия обозначенных авторов в контексте системы их художественной практики – давно назревшая литературоведческая задача. Целесообразным представляется стремление Л. А. Ракитовой прочесть сквозь призму публицистического творчества выбранных писателей литературную ситуацию периода очередной «Русской Смуты».

Работа заполняет исследовательские лакуны, возникшие вследствие долгого идеологически-однобокого истолкования творчества писателей

✓ 506/01-421
14.08.2017

начала XX века. Диссертантка берет на себя смелость пересмотреть идеологические шаблоны с точки зрения изменившейся в постсоветскую эпоху аксиологической парадигмы и делает это грамотно, четко, научно доказательно, с опорой на обширные теоретические знания. Автором освоено значительный корпус теоретико- и историко-литературных трудов. Привлеченный широкий исторический и литературный контекст – работы А.А. Блока, М.А. Булгакова, И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, Н. Тэффи, М. И. Цветаевой, И. С. Шмелева, И. Г. Эренбурга, С. К. Маковского, Д. С. Мережковского, А. И. Деникина, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, П. Б. Струве, Ф. А. Степуна – позволил диссертантке выявить основные закономерности общественно-исторического и литературного процессов исследуемого периода.

Сильной стороной работы видится также ее хорошо продуманная и логичная структура. Названия глав и параграфов диссертации достаточно подробны и дают полное представление о ее содержании. В качестве достоинств работы следует отметить также четкость формулировок цели и задач исследования, адекватность выбранной для анализа методологии, внятно обоснованные хронологические рамки, критерии выбора персоналий и материала для анализа. Однако, на мой взгляд, несколько некорректна формулировка объекта исследования: «Объектом исследования выступает историко-литературный *аспект* становления и развития русской писательской публицистики» (с. 12). Как представляется, объектом может стать какой-либо процесс или явление, порождающие проблемную ситуацию, но не аспект.

В **главе 1** Л.А. Ракитова, опираясь на труды предшественников, описывает векторы изучения писательской публицистической прозы как социокультурного и литературного феномена в советской и постсоветской науке; определяет объем понятия «художественная публицистика», анализирует существующие теоретические подходы к ее изучению, выделяет конститутивные признаки писательской публицистики, отличающие ее от

собственно художественной литературы; обстоятельно обосновывает теоретические принципы изучения категории «авторской стратегии».

Глава 2 вызвала у меня некоторое недоумение. Нужно ли было выделять в отдельную главу размышления над контекстуальным комплексом «действительность – автор – текст – читатель» как основой индивидуальных авторских стратегий, если материала в ней набралось лишь на 10 страниц (т.е. меньше, чем в параграфах главы 1 и выводах к главе 3)? Сам же по себе аналитический материал заслуживает серьезного внимания: поскольку поднимаемая проблема не может получить серьезного осмысления без обращения к теории автора и авторской позиции, в главе содержится весомое обоснование связи художественной публицистики с формами авторского присутствия и оценки.

Отдельный интерес для исследователей литературного процесса 1910 – 1920-х годов представляет, на мой взгляд, **глава 3**. Публицистические статьи, очерки, фельетоны А. И. Куприна, М. А. Волошина, А. Т. Аверченко и Л. Н. Андреева получают здесь глубокое научное осмысление, справедливо рассматриваются Л. А. Ракитовой как воплощение индивидуальных авторских стратегий, отразивших идейно-нравственную рефлексию писателей по поводу современных им социальных и культурных процессов в рамках художественно-стилевых особенностей творчества каждого из авторов. Эмпирический анализ в главе удачно сочетается с заключениями теоретического характера. Однако здесь не обошлось без погрешностей. Так, на с. 80 к публицистическим произведениям почему-то отнесены *рассказы* А. С. Неверова, а также «*публицистика и очерки* Д.А. Фурманова» (хотя ранее утверждалось, что очерк – один из жанров публицистики).

Интересны рассуждения автора диссертации о смысловой параллели фельетонов А. Аверченко с бердяевскими концепциями, с размышлениями философа о специфике национальной ментальности. Социально-нравственная позиция писателя, воплощенная в произведениях А. Аверченко, представлена в контексте точек зрения на революционную действительность

и будущее России его современников – А. Блока, М. Волошина, М. Булгакова, и это придает суждениям Л. А. Ракитовой особый объем. Выявляя композиционно-стилистические составляющие фельетонистики А. Аверченко, диссертантка выделяет такой аспект, как «многоликость авторской позиции» (с. 121). Как представляется, это определение имеет несколько двусмысленный характер; по сути, речь идет о множественности способов выражения авторской оценки действительности первых революционных лет.

Сильными сторонами работы являются глубокий анализ самобытной историософской системы М. А. Волошина и ее воплощения в его публицистике, наблюдения над преемственностью идей Н.А. Бердяева в мировоззренческой системе поэта. Убедительно выделен широкий спектр художественных приемов, характерных для его публицистической прозы (ирония, сарказм, гротеск, парадокс, контраст), показано их функциональное значение. Однако обзор научной литературы о творчестве М. Волошина, как видится, грешит некоторой неполнотой: он занимает всего одну страницу и содержит упоминание лишь нескольких статей, двух монографий и двух диссертаций волошиноведов. К сожалению, автор работы оставляет без внимания новейшую монографию С. М. Зайца «Мифотворчество и религиозно-философские искания Максимилиана Волошина на перепутьях Серебряного века» (2016), диссертации В.В. Палачевой «Поэма "Путиами Каина" в контексте культурфилософских исканий М.А. Волошина», О. Б. Бачеевой «М.Волошин и В.Брюсов: Литературно-критический диалог», В. В. Чагиной «Историософские и психологические аспекты концепции России в поэзии Максимилиана Волошина», поднимающие сходные проблемы, хоть и на ином материале, а также труды крымских исследователей (например, здесь весьма пригодилась бы основанная на документальных источниках диссертация И. Г. Киреевой «Проблема творческой личности в литературно-критическом наследии М. А. Волошина»).

Говоря о публицистическом творчестве Л. Андреева, Л. А. Ракитова справедливо замечает противоречивость идейных воззрений писателя, их романтико-идеалистическое наполнение, связь с философскими концепциями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Диссертантка подробно анализирует осмысление писателем судеб России сквозь призму евангельских сюжетов, образов и аналогий, верно находя в этом приеме черту индивидуальной авторской манеры Л. Андреева.

Глава 4 менее удачна, чем предыдущая, т. к. содержит повторы (например, на с. 188 вновь дается характеристика писательской стратегии А. И. Куприна, которая уже была представлена в главе 3; на с. 206 – осмысление М. А. Волошиным предреволюционной ситуации как «спиритического сеанса», которое уже было развито ранее, на с. 194). Неясна прагматика рассмотрения очерка Куприна «События в Севастополе» в главе 4, в отрыве от других публицистических текстов писателя, анализу которых посвящен специальный параграф главы 3. Самое значимое в этой части работы – сопоставительный анализ публицистики писателей и их художественного творчества, установление общности стилистических приемов и образности. Такой подход позволяет интерпретировать публицистическую прозу как один из элементов единой творческой системы каждого автора и его индивидуального писательского стиля. Однако если в случае с М. Волошиным и Л. Андреевым этот аспект рассмотрен детально, то художественная практика А. И. Куприна как претекст его публицистической прозы осмыслена недостаточно обстоятельно (параграф 4.2).

Среди достоинств работы стоит отметить прекрасный стиль изложения, ясный и четкий, демонстрирующий высокую культуру диссертантки.

Вместе с тем необходимо заметить, что в диссертации есть определённые моменты, требующие дополнительных разъяснений и уточнений.

На мой взгляд, не до конца прояснен вопрос о соотношении категорий «автор» и «герой» в публицистическом произведении. «Особенностью

художественно-публицистических произведений является тождественность автора и героя» (с. 218), – утверждает диссертантка. Во всех ли случаях применимо выражение «автор-герой» и верно суждение о том, что «публицистический герой (...) выступает носителем индивидуального авторского сознания» (с. 193)? Так, в очерке-некрологе А. И. Куприна «Кровавые лавры» героем является адмирал А.В. Колчак, а в портретных очерках «Генерал П.Н. Врангель», «О Врангеле», «О преемственности» – соответственно, П.Н. Врангель, и их вряд ли можно считать «носителями авторского сознания».

На с. 157-158 впервые в работе появляется термин «концепт» («Концепты «мрака», «тьмы», «ужаса» выражают доминирующее писательское настроение»), при этом Л. А. Ракитова не дает никакой дефиниции и не уточняет свое понимание данной категории. Прояснение этого вопроса тем более важно, что несколькими строками ниже упомянутая «тьма» характеризуется как образ-символ, свойственный публицистическому творчеству Л.Н. Андреева, а на с. 164 сказано: «Мотивный комплекс указанных фельетонов автора составляют концепты «индивидуалистического бунта», «идеи абсурдности мира»...». По всей видимости, диссертантка путает понятия «концепт» и «способы выражения концепта».

Что понимает автор работы под выражением «Межтекстовые установления»? Это понятие появляется в формулировке заглавия подпункта 4.2.1 без каких-либо разъяснений и аналитического обоснования.

Говоря об автореференциальности как одном из важнейших литературно-художественных приемов, характерных для писательской публицистической прозы, Л. А. Ракитова в качестве аргумента приводит лишь статью-лекцию М.А. Волошина «Россия распятая». Возникает сомнение: достаточно ли одного примера, чтобы утверждать значимость этого качества для всей писательской публицистики 1917 – 1921 годов? Более серьезного подтверждения требует и тезис исследовательницы о

жанровой диффузии как характерном свойстве литературы «промежутка» (с. 219).

В «Заключении» автор работы пишет «Термин «писательская публицистика» понимается нами как *жанр* литературных произведений, функционирующий на стыке художественной и публицистической прозы» (с. 217). Если писательская публицистика – это жанр, то чем тогда являются очерк, статья, фельетон? Может, правильнее было бы назвать публицистику писателей *системой жанров*, совмещающих художественное и публицистическое начала?

В работе, к сожалению, есть синтаксические ошибки и грамматические недочеты. Многие пассажи стоило бы разбить на абзацы, т. к. в них развивается по несколько тем и аспектов (см., например, с. 78-80, 87-89, 105-107, 185-187 и др.), а абзацы протяженностью в несколько страниц затрудняют выделение главных мыслей. Выводы к главам, на мой взгляд, излишне многословны (например, к главе 3 – содержит 13 (!!)) страниц).

Вместе с тем высказанные замечания в основном носят частный характер и не могут повлиять на общую оценку диссертации. Они не умаляют достоинств работы и не подвергают сомнению весомость и самостоятельность ее научных результатов. Тема содержательного, внутренне логичного литературоведческого исследования Л. А. Ракитовой раскрыта с достаточной полнотой, поставленная цель достигнута, задачи решены. Результаты представлены в аргументированно изложенных выводах.

Содержание диссертации, освещенное в автореферате, позволяет составить достаточно полное представление о научной работе, ее направленности и качестве решения поставленных проблем. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в восемнадцати публикациях в весьма авторитетных научных изданиях, представлены на научных конференциях разного уровня. Следует также отметить достаточно широкую географию апробации результатов исследования (Украина, Россия, ДНР, Сербия, Польша).

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что диссертационная работа Л. А. Ракитовой является самостоятельным завершённым исследованием, результаты которого имеют несомненную научную и практическую значимость. Л. А. Ракитова заслуживает присвоения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература, 10.01.08 – теория литературы, текстология.

Научно-квалификационная работа Л. А. Ракитовой «Писательская публицистика 1917 – 1921 гг.: жанровое и проблемно-тематическое своеобразие» полностью соответствует системе требований, установленных для кандидатских диссертаций в пунктах 2.2., 2.3. и других действующего Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Совета министров Донецкой Народной Республики № 2-13 от 27 февраля 2015 г.

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского

И. В. Александрова

Подпись Александровой И.В. удостоверяю

